

7
325

201-92
13108-1

ТЕОРІЯ
РУССКАГО
СТИХОСЛОЖЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ КУВАРЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. Юля 25
дня, 1836 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

81

Т Е О Р І Я

РУССКАГО СТИХОСЛОЖЕНІЯ.

=

ВСТУПЛЕНІЕ.

Извѣстно, что безсмертный Ломоносовъ первый открылъ, или утвердилъ у насъ истинную, ш. е. греческую версификацію, вѣроятно замѣченную имъ въ народныхъ пѣсняхъ (1), давъ однакожь ей совершенно чуждую, ш. е. Греко-Латинскую теорію. Въ это заблужденіе ввели его Нѣмцы, основавшіе на сей теоріи свою метрику. Впрочемъ, какъ легко могло это случиться, сказано будетъ въ послѣдствіи. И такъ мы были увѣрены, что имѣемъ метрику древнюю. Еще Тредяковскій переложилъ въ гекзаметры Телемака, а сочинитель Евгеоніа передалъ намъ и всѣ почти лирическіе, Горациемъ употребленные размѣры. А по сему во всѣхъ почти учебныхъ книгахъ говорено было о всѣхъ сихъ метрахъ, какъ свойственныхъ языку нашему. Теперь спросимъ: какимъ же образомъ могли мы писать правильные стихи, имѣя ложную теорію? Отвѣчаемъ: Стихотворцы наши писали стихи, совсемъ не думая о теоріи, которую спокойно оста-

вляли въ книгахъ и слушались одного, еспешвомъ внушеннаго такша, ни мало не заботясь о шомъ, *исты* ли ихъ ямбы и хорей. Еще самъ Ломоносовъ въ первыхъ своихъ опысахъ опспунился опъ сей теоріи, ш. е. совсѣмъ не соблюдалъ ея. И вто однакожъ было весьма счасливо для нашей версификаціи; ибо какихъ бы должно было ожидать невыгодныхъ слѣдспвій, еслибъ слушались правилъ, не свойспвенныхъ языку нашему. Всякій, замѣчая неправильность спиховъ нашихъ по господспвующей теоріи, согласиися, что я говорю правду. Ибо если бы слушались теоріи, не писали бы неправильныхъ спиховъ (см. примѣръ, который сей часъ будетъ приведенъ); еслижъ писали неправильные спихи, то значить, что введенная теорія была съ нашей версификаціей не совмѣстна. А потому вмѣсто того, чтообы соглашались теорію съ практикой, слѣдовало бы первую совершенно бросить. Впрочемъ такъ и поступали почти наши спихотворцы. Что касается до прочихъ, то извѣстно, что мы теоріи спихотворства учимся въ дѣтспвѣ. Кто въ эпомуь возрастѣ не вѣрится училешю, что спихъ: *по слѣдамъ Анакреона*, еспь хорейческой, и что по сему надо скандовать его и означать спихотворными знаками такимъ образомъ:

По слѣ | дамъ Ѣ | накрѣ | она.

а не составленный изъ Анапеста и Пеона, и копорый слѣдовательно должно раздѣлять такимъ образомъ:

По слѣдамъ | Анакрео | на.

или изъ хореевъ и ширрихievъ:

По слѣ | дамъ А | накре | она.

Даже и въ зрѣломъ возрастѣ не всѣ обращаютъ на это вниманіе. Отъ чего жъ такая спранныость, что одинъ и тотъ же стихъ, не перемѣняя своей напурь, можешь допускать при раздѣленіи, изъ кошорыхъ, по принятымъ правиламъ, ни одного не лзя оспорить? Можешь ли человекъ, знающій музыку, не смѣяться, когда покажешь ему рядъ шактовъ:

$$\frac{1}{2} \frac{1}{4} \mid \frac{1}{2} \frac{1}{4} \mid \frac{1}{2} \frac{1}{4} \mid \frac{1}{2} \frac{1}{4}$$

будешь утверждать, что это тотъ рядъ въ то же время пождешвенъ слѣдующему:

$$\frac{1}{4} \frac{1}{4} \frac{1}{2} \mid \frac{1}{4} \frac{1}{4} \frac{1}{4} \frac{1}{2} \mid \frac{1}{4}$$

первый рядъ содержитъ въ себѣ $\frac{6}{2}$, второй $\frac{4}{2}$ съ $\frac{1}{4}$. Такова сила стихъ древнихъ, какъ увидимъ ниже. И кто изучалъ древнюю метрику, тотъ никогда не найдетъ въ ней такого противорѣчія. Долгій или краткій слогъ извѣснаго слова въ одномъ размѣрѣ освавался такимъ же, когда переносимъ былъ и въ другой. Казалось, что такихъ несообразностей доспащочно бы было къ тому, чтобы показать, сколь не свойственна намъ принятая теорія. Но этому-то, къ удивленію, никакъ не хотѣли вѣрить, хотя и видѣли всѣ сіи противорѣчія. А потому обыкновенно старались разрѣшить ихъ справками съ древнею системою, отыскивая въ ней какихъ нибудь неправильностей въ извѣщеніе непра-

вильностей версификаціи нашей, и нѣкошорые, судя о древней версификаціи по нашей, при усиліяхъ объяснить одну другою, впали въ превращѣнныя мнѣнія о древнихъ. Впрочемъ не многіе только говорили о семь предметѣ; большая часть занимающихся лирическою наукою оставляли сію науку, какъ не заключающую особенной важности, совсѣмъ безъ вниманія. Признаюсь, что о семь говорю я по собственному опыту. Я самъ долго не обращалъ вниманія на теорію нашего стихотворства, какъ одинъ случай вывелъ меня изъ сего равнодушія къ наукѣ, если не важной для людей, посвящающихъ себя возвышеннѣйшимъ занятіямъ, по важной, по крайней мѣрѣ, для юношей, изучающихъ языкъ свой, которымъ при изученіи онаго правильная теорія необходима и полезна, нежели какъ обыкновенно о семь думаютъ. Занимаясь теоріею древней версификаціи, я раскрылъ сочиненіе Воссія de *roematum cantu et viribus rythmi*. Извѣстно, что сіе сочиненіе, по взгляду автора на версификацію древнихъ со стороны музыкальной, есть до сихъ поръ въ своемъ родѣ единственное и одно изъ превосходнѣйшихъ по изслѣдованіямъ о сущности музыки древнихъ; припомъ написанное съ такою ученостию, остроуміемъ, ясностию и одушевленіемъ, что читатель невольно имъ увлекается даже тамъ, гдѣ авторъ, по видимому, представляешь софизмы; однимъ словомъ, сочиненіе, которое читателю не съ большою пользою, какъ и наслажденіемъ. Оно-то обратило меня на нашу метрику. Упрекъ, дѣлаемый Воссіемъ господствовавшей версификаціи въ его время, не падаетъ ли и на нашу? Этотъ вопросъ былъ побудительною причиною предлагаемыхъ мною

изслѣдованій. Увлеченный знаменитымъ авторомъ, я въ первомъ порывѣ хотѣлъ перевести все его сочиненіе; но зная, что оно найдеть немногихъ читателей, я помѣспилъ одинъ изъ него, и признаюсь, не лучший отрывокъ въ № 9 Аптея 1828 года съ замѣчаніями, заключающими мои изслѣдованія, и пошомъ, результаты оныхъ, теорію нынѣ господствующей версификаціи, подъ названіемъ: Разсужденіе о шаксахъ, употребляемыхъ въ Русскомъ стихосложеніи, въ 4-й часпи Московскаго Вѣспника 1829 г., копорыя шеперь съ нѣкопорыми перемѣнами и дополненіями и предлагаю отдѣльною книжкою на судъ благосклонному читателю. Но, предлагая новую теорію, я долженъ доказать несправильность прежней. Прежняя имѣла основаніемъ метрику Греческую и Римскую, а посему и должно прежде всего бросить взглядъ на сію послѣднюю, чтобы пошомъ судить, свойспвенна ли она языку нашему.

Намѣреваясь говорить о семъ предметѣ, я имѣю въ виду только шѣхъ читателей, копорые не знакомы ни съ Греческимъ, ни съ Латинскимъ языкомъ: иначе трудъ мой былъ бы излишнимъ. Но и для сихъ читателей я скажу не болѣе, нежели сколько нужно къ шому, чтобы показать все различіе древней и нашей метрики.

ОСНОВАНІЯ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ МЕТРИКИ.

Греческій и Латинскій языкъ сохраняли въ словахъ, кромѣ удареній, еще особенное свойство пропаяженія

извѣстныхъ слоговъ, которое споль опшчно опъ обыкновеннаго ударенія, что часпо въ одномъ и шомъ же словѣ удареніе и знакъ долгаго слога находяпся совсѣмъ на разныхъ мѣстахъ. Поселку нашъ языкъ не имѣеть сего свойства, по намъ весьма прудно объяснишь его (2). И шакъ въ соспавленіи спомъ не ударенія принимались въ основаніе, а долгоша и крапкоспъ слоговъ. Крапчайшая мѣра слога означается у граммашиковъ шакъ: \circ , и называется одновременною; должайшая шакъ: $-$, и называется двувременною; и шакъ двѣ крапкихъ ($\circ \circ$) равны одной долгой ($-$). Вошъ элементы, служащіе основаніемъ древней просодіи. Упошребимъ языкъ болѣе поняшный, условимся означать сіи двѣ мѣры ношами. Примемъ съ Воссіемъ, что долгая равна одной бѣлой, или $\frac{1}{2}$, шогда крапкая будешъ $= \frac{1}{4}$. Если это предположеніе справедливо, шо оно должно объяснишься явленіями. Возмемъ для сего напр. гекзамешрь: главная спона его, состоящая изъ ($- \circ \circ$) въ ношахъ будешъ $= \frac{1}{2} \frac{1}{4} \frac{1}{4}$; и шакъ спона сія будешъ $= \frac{3}{4}$, или, упошребивъ спихошворные знаки, равна двумъ долгимъ ($--$). Опсюда поняшно это строгое и ненарушаемое предписаніе въ гекзамешрь вмѣсто дакпшя упошребляшь спондей (3), исключая послѣднюю спону, гдѣ уже и одною долгою духъ успокоивается, какъ окончательною ногою музыкальной фразы, которой, какъ извѣстно, продолженіе произвольно; а пошому въ послѣдней спомѣ позволенъ былъ не шолько сподней, но и хорей. Упошребляшь же въ прочихъ спонахъ хорей опшюдь не позволялось; ибо хорей, будучи равенъ $\frac{3}{4}$, не можетъ замѣстпть $\frac{3}{4}$, и упошребивъ его, должно бы было

сдѣлашь паузу, но сего не встрѣчаешся. Повторимъ еще, что такое отношеніе слоговъ опшюдь не было условнымъ или произвольнымъ: Квинтилианъ говоритъ, что это извѣстно было даже и дѣтямъ. (Longam (syllabam) esse duorum temporum, brevem unius etiam pueri sciunt).

И такъ Греки и Римляне имѣли въ языкѣ своемъ 2 ноты. Но чтобы соспавить стихъ, должно было имѣть понятіе о тактѣ; для сего необходимо надлежало прибѣгнуть къ музыкѣ, ибо слова представляли только вещеспивенную спорону версификаціи; духовной надлежало искашь въ ритмосъ. Но какое познаніе музыки внушило понятіе ритмоса Гомеру и Гезіоду? Не-уже-ли будемъ вѣришь чудеснымъ Орфеямъ и Линусамъ? Несправедливо было бы предполагать, что музыка, какъ мы теперь понимаемъ сіе искусство, была усовершенствована во времена споль глубокой древности. Напротивъ мы основательно можемъ думать, что языкъ, какъ предметъ меприки, сначала имѣлъ вліяніе и на музыку народа. Ритмосъ народныхъ пѣсенъ долженъ былъ потчасъ сообразоваться, смотря по свойству языка, или съ количествомъ слоговъ, или съ удареніемъ, или бышь совершенно условнымъ. * Такое начало безъ сомнѣнія было важно, чтобы въ послѣдствіи дать извѣстный характеръ и направленіе самой музыкѣ. Греки, имѣя двѣ ноты въ языкѣ своемъ, потчасъ изъ разнообразной переспановки оныхъ должны были получить и многообразный ритмосъ. И такъ, чтобы найти музыку древнихъ стихотвореній, должно только, соединивъ

* См. Russo Dictionnaire de Musique подъ сл. Rhythme.